

Вклад автобиографической памяти в процесс становления идентичности

Алюшева Анна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

психологии, москва, Россия

E-mail: ars_studio@bk.ru

Поддержание стабильности идентичности является одной из центральных функций автобиографической памяти. Исследователи отмечают, что работа данной мнемической подсистемы во многом направлена на осознанное построение Я-концепции; установление интервалов самоидентичности; самоопределение в исторических и культурных координатах. Именно автобиографической памятью обеспечивается возможность самождественности во времени, «сохранение бытия личности тем же» (the feeling of sameness), несмотря на изменчивость мира [4, 5]. Термин «идентичность» объединяет весьма разнородную психологическую феноменологию, охватывающую как минимум два разноплановых процесса: рефлексивный, дающий человеку непрерывное переживание целостности и неизменности, и когнитивно-эмоциональный, определяющий представление субъекта (в форме знания, понимания, отношения) об устойчивой и внутренне непротиворечивой системе присущих ему характеристик [1].

Несмотря на то, что у нас есть тысячи воспоминаний, лишь немногие из них включаются в личную историю и, соответственно, в процесс активного формирования идентичности. Множество изолированных эпизодов прошлого составляют микроструктуру автобиографической памяти, наряду с которой существует интегрированный уровень данной мнемической подсистемы – её макроструктура, представленная в форме индивидуальной жизненной истории [2]. Развитие автобиографической памяти во многом определяется интериоризированными культурными схемами и сценариями, организующими мнемический материал в «жизненные периоды», «жизненные темы», «этапы». Можно выделить следующие источники развития автобиографической памяти: «семейные сценарии» – степень информированности о жизни родителей, ближайших родственников, предков; внешние культурные жизненные сценарии – степень усвоения представлений о содержании и последовательности событий жизни, нормативных жизненных моделей из внешних, общих для всех источников (литература, кинематограф, различные СМИ и т.д.); типичный сценарий данной общности – степень усвоения представлений о содержании «обычной жизни в данной стране» [3]. Мы предполагаем, что механизмом опосредствования формирования автобиографической памяти и идентичности является усвоение субъектом данных внешних «идеальных форм». В нашем исследовании мы сфокусировали внимание на изучении роли «семейного сценария» и предположили, что степень представленности в памяти респондентов семейной истории связана с уровнем развития их автобиографической памяти и статусом идентичности. Исходя из функционального понимания данной мнемической подсистемы как одного из главных ресурсов формирования и поддержания идентичности, мы также предположили, что респонденты с разными статусами самоидентичности (выделенными Дж. Марсия, на основании данной классификации разработан опросник статусов идентичности Д. Адамсом) [6, 2] обладают различными характеристиками автобиографической памяти.

Для респондентов с диффузной идентичностью, по нашему мнению, характерна меньшая полифункциональность автобиографической памяти и доступность автобиографических воспоминаний в целом, а также меньшее количество самоопределяющих воспоминаний («Я такой, какой есть, потому что...»; «В этом воспоминании весь я»). Для респондентов с предрешенной идентичностью «семейный сценарий» играет ключевую роль, поэтому мы предположили, что им доступно большее количество воспоминаний о жизни родителей, чем всем остальным респондентам; однако показатели развития собственной автобиографической памяти не должны быть высокими. Для респондентов с идентичностью в статусе моратория мы, напротив, предположили высокие показатели развития автобиографической памяти и усвоения «семейного сценария» (как потенциального материала для построения новой идентичности и сравнения с существующими в ближайшем окружении респондента моделями). Для респондентов с достигнутой идентичностью логично ожидать снижение показателей автобиографической памяти, т. к. данный мнемический материал становится менее релевантным, чем в моратории, активном поиске идентичности, однако, мы всё же предполагаем, достаточно высокий уровень развития автобиографической памяти у респондентов данной группы.

В настоящее время проведено пилотажное исследование с целью операционализации данных гипотез. Выборку составили 58 респондентов – юноши и девушки в возрасте 17-20 лет ($M = 17.84$, $SD = 1.18$) и их родители ($M = 42.9$, $SD = 4.99$, $N = 58$). Получена значимая положительная корреляция между количеством собственных автобиографических воспоминаний респондентов и воспоминаний их родителей о своём прошлом ($r=0,485$, $p<0,05$). Количество совпадений отмеченных событий из жизни родителей в представлении респондентов и воспоминаний о своей жизни самих родителей значительно положительно коррелирует с полифункциональностью автобиографической памяти ($r=0,514$, $p<0,05$). Соответственно, чем лучше респондент представляет себе прошлое родителя, тем более гибкий и вариативный его собственный репертуар функций автобиографической памяти.

Также получены некоторые данные о соотношении статуса идентичности и характеристик автобиографической памяти. Респонденты со статусом диффузной идентичности показали более низкие результаты как по количественным, так и по качественным параметрам автобиографической памяти по сравнению с респондентами с идентичностью в статусе моратория и достигнутой идентичности. Можно сделать вывод о том, что респонденты с диффузной идентичностью менее мотивированы на активную работу с прошлым опытом, пробу разных социальных ролей, ассимиляцию культурных сценариев, таких как «семейный сценарий». Первое воспоминание респондентов с идентичностью в статусе моратория в среднем приходится на 5,67 лет. Эмпирически показано, что средний возраст первого воспоминания зависит от культуры и варьирует в пределах от 2.1 года (представители народа маори) до 4.1 лет у китайцев [7]. Доступность более ранних воспоминаний обнаруживает позитивную связь с благополучными для личности характеристиками - саморуководством, самооценностью и низким уровнем внутреннего конфликта. Мы предполагаем, что более поздний возраст первых воспоминаний и меньшее количество воспоминаний детства указывают на высокий уровень внутреннего конфликта в период кризиса идентичности и моратория.

Таким образом, высокая функциональность личностно значимых воспоминаний вносит вклад в формирование идентичности; в тоже время, в зависимости от текущего

статуса идентичности значительно различаются стратегии работы с прошлым опытом.

Литература

1. Нуркова В.В. Культурно-исторический подход к автобиографической памяти // Диссертация на соискание степени доктора психол.наук. – М.- 2009
2. Adams, G. R. (1998). The Objective Measure of Ego Identity Status: A Reference Manual. Unpublished manuscript, University of Guelph, 1-90
3. Berntsen, D., & Rubin, D. C. (2004). Cultural life scripts structure recall from autobiographical memory. *Memory & Cognition*, 32, 427–442
4. Conway, M.A. (2005). Memory and the Self. *Journal of Memory and Language*, 53 (4), 594-628
5. Habermas, T., Bluck, S. (2000). The Life Story Schema. *Motivation and Emotion*, Volume 24, Number 2, 121-147
6. Marcia, J.E. (1966). Development and validation of ego-identity status. *Journal of Personality and Social Psychology*, 3, 551-558
7. Wang Q. (2006) Earliest recollections of self and others in European American and Taiwanese young adults. *Psychological Science*, 17 (8), 708-714